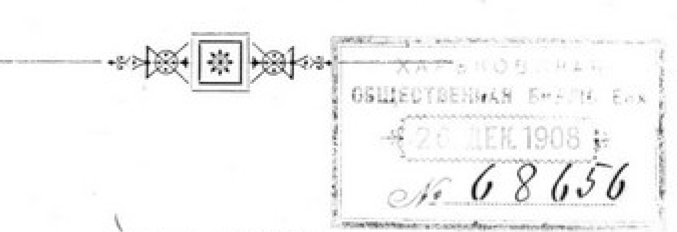
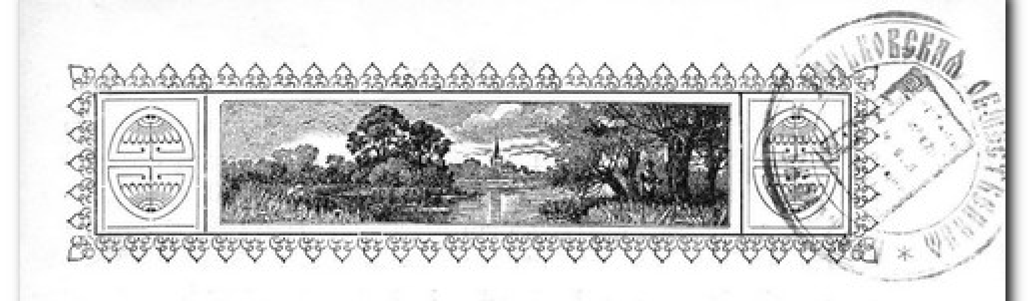
Д. И. Багалѣй.

ХАРЬКОВСКІЙ ПЕДАГОГЪ И ЖУРНАЛИСТЪ начала XIX вѣка Иванъ Филипповичъ ВЕРНЕТЪ.

(Изъ XVIII т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, изданнаго въ честь профессора Н. Ф. СУМЦОВА).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло", Клочковская ул., № 5.
1908.

Харьковскій педагогъ и журналистъ нач. XIX в. Иванъ Филипповичъ Вернетъ.

Интересный типъ харьковскаго педагога и писателя—журналиста представляетъ обрусѣвшій швейцарецъ Иванъ Филипповичъ *Вернетъ*. Онъ окончилъ курсъ въ Тюбингенскомъ коллегіумѣ, гдѣ готовилъ себя къ пасторской должности, но остался вѣчнымъ кандидатомъ, хотя не переставалъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться сельскимъ священникомъ въ прекрасной деревнѣ, обладателемъ чистаго и свѣтлаго домика на скатѣ пригорка, близъ рощи, мужемъ образованной, кроткой и благочестивой супруги. «Если бы къ сему можно было, писалъ онъ, присоединить еще пару коровъ, терпѣливаго осла, сильнаго коня и десятокъ овецъ, то домъ мой былъ бы изображеніемъ маленькаго эдема». Но судьба сдѣлала изъ него вѣчнаго бездомнаго странника и забросила его въ далекую Россію, гдѣ онъ и умеръ послѣ 40-лѣтняго почти въ ней пребыванія. Онъ пріѣхалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ Россію, чтобы сдѣлаться чтецомъ знаменитаго Суворова, который немедленно сталъ называть его Филиппомъ Ивановичемъ (а не Иваномъ Филипповичемъ), но получилъ отъ Вернета слѣдующую остроумную отповѣдь: «этому статься нельзя, возразилъ Вернетъ; имя мое для меня тѣмъ пріятнѣе, что оно дано было мнѣ родителями... При томъ же Іоаннъ значитъ Божья благодать, отъ которой я всего ожидаю; Филиппъ означаетъ конелюба, что совсѣмъ нейдетъ къ моему положенію ибо у меня нѣтъ ничего на земномъ шарѣ, ниже кошки». Суворовъ, говоритъ Вернетъ, отъ всего сердца разсмѣялся, поцѣловалъ меня въ лобъ и прибавилъ: «Ну, Филиппъ Ивановичъ, ты не дуракъ...—У меня ты будешь богатъ».

Послѣ того Вернетъ былъ гувернеромъ во многихъ домахъ и учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Онъ прекрасно зналъ 4 языка—французскій, нѣмецкій, латинскій и *русскій*—и могъ дѣлать пе-

реводы съ одного изъ нихъ на другой; онъ, напримѣръ, читалъ прямо по русски иностранныя газеты и вообще былъ образованнымъ человѣкомъ, особенно начитаннымъ въ области литературной. О знаніи имъ русскаго языка свидѣтельствуютъ его журнальныя статьи, по поводу которыхъ издатели Украинскаго Вѣстника говорятъ: въ первый разъ видя, считаютъ Вернета иностранцемъ; даже языкъ русскій, чтобы ни писалъ онъ на немъ, не портится, а еще украшается подъ его перомъ. При такой подготовкѣ, онъ былъ превосходнымъ педагогомъ, тѣмъ болѣе что у него было къ этому дѣлу прямое призваніе. «Заброшенный посреди снѣговъ русской провинціальной жизни, говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ благодарный ученикъ, онъ теплотой души своей превращалъ вокругъ себя ледяную кору въ зеленѣющую ниву и взращалъ на этомъ оазисѣ благородныя сѣмена чести, правоты, безкорыстія. Вотъ почему въ началѣ онъ принималъ званіе гувернера съ большимъ выборомъ—только тамъ, гдѣ расчитывалъ найти благопріятную почву для своего педагогическаго и нравственнаго воздѣйствія; подъ конецъ же жизни вынужденъ былъ не быть столь строгимъ и разборчивымъ. Онъ любилъ природу, путешествія, гдѣ оставался со своими размышленіями, и общество ненатянутыхъ искреннихъ людей, въ особенности оптимистовъ; не имѣя почти ничего, онъ былъ всегда веселѣе тѣхъ богачей, у коихъ проживалъ; онъ радовался болѣе тому, что у него было, нежели огорчался тѣмъ, чего у него не было. Увлекаясь Ж. Ж. Руссо, онъ взоры свои съ любовью обращалъ не на чертоги, а на хижины мирныхъ и трудолюбивыхъ поселянъ... «Да окостенѣетъ мой языкъ, писалъ онъ, если я когда либо назову подлою трудолюбивую и благодѣтельную руку поселянина, раздирающаго за меня нѣдра земли! «Такъ думать и чувствовать, говоритъ Л., можетъ только благодарная натура». Онъ очень полюбилъ свою вторую родину—Малороссію и особенно Слободскую Украину. «Какъ бы изумились мои соотечественники, говорилъ Вернетъ, если бы увидѣли меня случайно между чумаками, среди коихъ я нашелъ гостепріимство, честность и умъ! Нѣтъ у меня словъ, чтобы достойно возблагодарить тѣхъ, кои въ Украинѣ и Малороссіи, бывъ чужими, предлагали мнѣ ихъ домы и услуги и прямо родственнымъ сердцемъ, призирали меня бездомнаго». И онъ побывалъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Малороссіи, Украйны и Новороссіи. Харьковъ онъ любилъ какъ свой домъ, гдѣ провелъ молодость и старость. «Я могу, говорилъ онъ, называть въ силу давности себя харьковскимъ жителемъ, поелику Харьковъ есть средоточіе, куда съ 1787 года, когда я былъ въ немъ первый разъ, стремятся мои желанія по окончаніи всякаго путешествія».

Любя Харьковъ, онъ позволялъ себѣ иногда надъ нимъ и добродушную иронію. «Харьковъ лучше вдали, чѣмъ вблизи, особенно въ дождливое время... Онъ не обилуетъ водою! Это ощутительно всегда и особенно на Лопанскомъ мосту, который сравненъ быть можетъ съ великолѣпнымъ мостомъ, построеннымъ въ Мадритѣ на Мансанаресѣ, въ томъ, что лѣтнею порою въ обѣихъ рѣкахъ едва ли достанетъ воды для гусей». Это былъ истинный космополитъ—ко всѣмъ народамъ и вѣроисповѣданіямъ онъ относился одинаково. Онъ любилъ бесѣдовать съ людьми всякаго званія; интересуясь замѣчательными въ какомъ либо отношеніи людьми, онъ въ тоже время вступалъ въ бесѣды и съ самыми заурядными дѣятелями изъ простого народа. Чаще всего свои путешествія, подобно Г. С. Сковородѣ, онъ совершалъ пѣшкомъ, нося на плечахъ свой чемоданчикъ, въ которомъ помѣщалось все его имущество, такъ что онъ былъ почти правъ, когда говорилъ—omnia mea mecum porto.—Тамъ была его библіотека (Виргилій, Горацій, нѣсколько томовъ Руссо, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Стернъ, Анахарсисъ, Геснеръ, Юнгъ, Галлеръ), бѣлье и платье. Мы говоримъ «почти правъ», потому что у него была еще волчья шуба, не помѣщавшаяся въ чемоданѣ. Впрочемъ ему удалось за долгіе годы сколотить маленькій капиталъ, на проценты съ котораго онъ и могъ скромно существовать, не занимаясь уже преподаваніемъ. А когда ему пришлось дѣлать новый гардеробъ—фракъ и сюртукъ, которые онъ носилъ 17 лѣтъ и 6 разъ выворачивалъ, мылъ и перешивалъ—то онъ поступилъ на полгода въ качествѣ учителя къ одному изъ харьковскихъ помѣщиковъ готовить сына его въ университетъ—этотъ ученикъ его и оставилъ намъ свои воспоминанія о немъ, и мы пользуемся ими для его біографіи.

Вернетъ подражалъ страннической жизни Г. С. Сковороды—переѣзжалъ отъ одной знакомой семьи къ другой; но его жизнь не лишена была нѣкотораго комфорта и, главное, онъ все таки стыдился своей бѣдности и старался жить у богатыхъ.

Помѣщикъ Богдановичъ письмомъ въ редакцію Укр. Вѣсти. вызывалъ его къ себѣ посмотрѣть его «жизнь и, обстановку», и у подобныхъ помѣщиковъ онъ бывалъ своимъ человѣкомъ.

Самъ Вернетъ въ статьѣ «Послѣднее мое пребываніе въ Харьковѣ» говоритъ: «Ну, завтра мнѣ въ путь! Куда же? Самъ еще не знаю; куда глаза глядятъ. Спасибо гостепріимной Россіи и многочисленнымъ знакомствамъ въ городѣ: мнѣ не о чемъ заботиться, нѣсколько минутъ—и мой чемоданъ уложенъ, у меня не много вещей... Я выѣзжалъ изъ великолѣпнаго Мерчика не весьма пышно. Колесница моя везома была двумя кобылицами. Возница былъ уменъ и говорливъ; но подобно

всѣмъ Адамовымъ дѣтямъ, судилъ о своемъ собратѣ по наружности... Но торжество ожидало меня у градскихъ воротъ: встрѣчается со мною вице-губернаторъ. Ласковая его встрѣча со мною заставляетъ моего возницу перемѣнить обо мнѣ мысли и его удивленіе выражается слѣдующимъ (восклицаніемъ): «Папе. Да не прогнѣваетесь ваша милость; я думалъ, что вы человѣкъ «божевильный», а теперь, глядя на происходящее, бачу, что вы человѣкъ путный»... Кромѣ вышеупомянутаго ласковаго и любезнаго моего ученика Дм. А. З(ахаржев)скаго никто изъ знакомыхъ со мною не встрѣтился и я не имѣлъ причины стыдиться бѣднаго своего экипажа, если бы и щекотливое самолюбіе тогда овладѣло мною. Я скоро пріѣхалъ въ квартиру къ І. Ник. Позн(анскому). Онъ, улыбнувшись и окинувъ глазами коней, возницу, будущаго постояльца и пожитки его, принялъ меня ласково и назначилъ мнѣ пространную и пышную квартиру, которую я, вопреки пословицѣ «что два кота или два литератора не помѣщаются въ одномъ мѣшкѣ», раздѣлилъ съ добрымъ и любезнымъ баснописцемъ Г. М. [1]).

Въ образѣ жизни Вернета было много странностей и причудъ. Онъ очень любилъ купаться и, купаясь въ р. Харьковѣ, воображалъ, что купается въ греческой рѣкѣ Пеней въ Темпейской долинѣ. Выбравъ возлѣ берега неглубокое мѣсто, влазилъ въ воду одѣтымъ и уже, посидѣвъ въ водѣ, раздѣвался и развѣшивалъ свое мокрое платье на сучьяхъ деревьевъ, оставался въ рѣкѣ, пока оно не высыхало. Иногда онъ бралъ съ собою книгу и читалъ ее или сидя въ водѣ или обсыхая на берегу. Когда его захотѣлъ увидѣть П. И. Рикордъ, освободившій изъ плѣна Головина, онъ принялъ его въ темной комнаткѣ, не зажигая свѣчей, дабы его видъ не нарушалъ иллюзіи его прекрасной остроумной бесѣды. Выступить на журнальное поприще его уговорилъ редакторъ Укр. Вѣст. Гонорскій. Его произведенія представляли изъ себя легкія литературныя статьи, гдѣ видную роль играютъ размышленія и воспоминанія о разныхъ извѣстныхъ ему лицахъ и мѣстахъ и цитаты изъ его любимыхъ писателей. По литературному направленію своему эти статьи примыкаютъ къ той швейцарской философско-литературной школѣ, представителями которой были Руссо, Бернарденъ де-Санъ Пьеръ и друг.

Чтобы дать понятіе о взглядахъ, которые развивалъ Вернетъ передъ читателями «Украинскаго Вѣстника», о его міросозерцаніи, остановимся нѣсколько на содержаніи его статьи, озаглавленной «Мысли одного изъ моихъ дней въ Харьковѣ». «Всѣ имѣютъ нужду въ снисходительности и помилованіи» — такъ начинаетъ Вернетъ свою статью... «Долгъ каждаго желать, чтобы поступки современниковъ не стоили раскаянія и

[1]) Укр. Журн. 1825, № 21—22, стр. 228—257.

слезъ потомкамъ, непритворное со мною обращеніе, иногда обѣдъ—вотъ чего требую отъ богатыхъ сосѣдей, а моя за то плата—веселый нравъ, доброжелательство и усердіе. Что не говори, а роль хозяина пріятнѣе роли гостя. Удовольствіе дѣлать добро есть безъ сомнѣнія лучшая награда... Но оставимъ кухню и деньги! У меня одинъ копекъ съ покойнымъ Сковородою. Надобно, чтобы любилъ тѣхъ, у коихъ обѣдаю... Я люблю быть въ гостяхъ тамъ, гдѣ веселыя шутки, необидные разсказы и острыя разсужденія разсѣиваютъ задумчивость и грусть—не насмѣшки и пересуды. Общежитіе есть обмѣнъ чувствъ, мыслей, совѣтовъ и услугъ. Терпѣніе, снисходительность, прощеніе, любовь—вотъ удѣлъ слабыхъ смертныхъ. Я люблю откровенную бесѣду и не довѣряю усердію тѣхъ, кои въ комплиментахъ и въ обѣщаніяхъ великіе мастера. Улицы становятся училищемъ, изъ коего я почерпаю полезные уроки. У меня нѣтъ экипажа; но ходить пѣшкомъ выгодно для здоровья и наблюденія. Конечно, великая разница между богатыми экипажами и бѣдными тележками поселянъ, кои со здоровыми лицами часто попадаются мнѣ навстрѣчу. Если же хорошенько разобрать основанія прямого счастія, то разстояніе между людьми не такъ велико, какъ оно съ перваго взгляда покажется. Одежда моя не пышна, но прилична моему состоянію и при томъ моя. Также подъ толстымъ сукномъ согрѣешься, какъ подъ бархатомъ. Правъ Сковорода: Богъ сдѣлалъ нужное и полезное нетруднымъ. Умѣренность многое замѣняетъ, но ничто не замѣнитъ потери честности. Имя, платье и экипажъ не дѣлаютъ человѣка; не нужно быть всегда эпикурейцемъ... Два или три блюда и нѣсколько аттической соли и не будетъ неваренія въ желудкѣ. Часто пресыщенный сибаритъ завидуетъ жемчужнымъ зубамъ и аппетиту бѣдняка, жадно пожирающаго кусокъ черстваго хлѣба, у него же вымоленнаго. О бѣднякѣ не заботятся, но Богъ о немъ печется, какъ и о богачѣ. Видъ богатства и роскоши не долго плѣняютъ глаза и воображеніе; напротивъ картины домашняго порядка и семейнаго благополучія наполняютъ сердце сладостнымъ и продолжительнымъ удовольствіемъ. Я это всегда ощущаю въ домѣ Кар. Ив. Кеппенъ... Оставляя другимъ шумныя забавы, я съ прогулокъ или посѣщенія пріятелей спѣшу въ уединенную свою комнату, чтобы въ тишинѣ разсуждать о видѣнномъ и слышанномъ въ продолженіи дня, изслѣдовать, осуждать, бранить себя, раскаиваться и мириться съ собою, отдыхать и теряться въ лабирантѣ пріятныхъ мечтаній. Безмятежный покой, пріятный досугъ—сладостное успокоеніе сердца, неволнуемаго страстями. Вы ничто передъ блаженствомъ, вкушаемымъ душею, когда человѣкъ доволенъ собою! Вотъ истинный камень философическій». (Укр. Вѣстн. 1819 г., апрѣль, стр. 66—75).

Въ статьѣ о Харьковскомъ кладбищѣ Вернетъ вспоминаетъ о погребенныхъ здѣсь—прот. Шванскомъ, директорѣ Буксгевденѣ, докторѣ Ив. Ив. Кеппенѣ, шведахъ—баронѣ Гастферѣ и кап. Элминѣ, Неклюдовой, юношѣ Бахтинѣ, М. Д. Драгомирѣ, Горемыкиной. «Умъ, ученость, скромность и отмѣнная нравственность, говоритъ Вернетъ, отличали особу сановитаго и благочестиваго Шванскаго. Я зналъ мало покойниковъ, о коихъ вообще столько сожалѣли, какъ о Ш. Если бы вѣрили призракамъ, то надлежало бы искать его тѣни въ Харьковскомъ соборѣ, гдѣ часто гремѣло его краснорѣчіе, или въ Коллегіумѣ, гдѣ подъ его руководствомъ образованы были многіе, нынѣ дѣлающіе честь ихъ почтенному сану и коимъ принадлежитъ преимущество достойно хвалить образовавшаго ихъ наставника». Буксгевденъ «давалъ правила и примѣры своимъ питомцамъ. Благонравіе и благочестіе обитали въ его домѣ; одна болѣзнь могла удерживать сего достопочтеннаго директора отъ ежедневнаго посѣщенія ввѣреннаго ему Харьковскаго училища. Не забуду никогда и моего друга Ив. Ив. Кеппена—честнаго, искуснаго и примѣрнаго врача». Горемыкина имѣла счастіе подчивать блинами Петра I-го въ Харьковѣ [1]).

Вернетъ оставилъ намъ характеристику Г. С. Сковороды, котораго послѣдній разъ онъ видѣлъ у общаго пріятеля ихъ П. Ѳ. Пискуновскаго. Онъ его сравниваетъ съ необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ, которому недоставало шлифовки, и не понимаетъ, въ чемъ заключалась тайна его вліянія на учениковъ. Сковорода, по его словамъ, любилъ преимущественно малороссіянъ и нѣмцевъ. Эта исключительная любовь была причиною спора, возникшаго между Сковородою и Вернетомъ при первомъ ихъ свиданіи. Вернету не нравились и сочиненія Сковороды—какъ прозаическія, такъ и стихотворныя; «онъ не любилъ, по его словамъ, ходить по мрачному лабиринту метафизики, привыкши издавна къ ясному и прекрасному слогу любезнаго Сенъ-Піера и къ простому, удобопонятному умствованію Локка и Кондильяка. При всемъ томъ Вернетъ чтилъ Сковороду и чувствовалъ въ себѣ склонность *подражать* ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и вмѣсто того чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, что Сковорода назвалъ его *мужчиною съ бабьимъ умомъ* и дамскимъ секретаремъ, онъ былъ ему весьма обязанъ за эти титулы, ибо это было въ тѣ счастливые лѣта, когда человѣкъ, у коего не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму». Такъ говоритъ самъ Вернетъ; но едва ли можно допустить, чтобы ему понравился столь рѣзкій эпитетъ Сковороды.

---

[1]) Укр. Вѣст. 1817, ч. 6, стр. 323—328.

Цѣлая пропасть была между глубокимъ оригинальнымъ самобытнымъ умомъ Сковороды и легкимъ, избѣгавшимъ всякихъ трудностей, умомъ швейцарца Вернета, который могъ быть только подражателемъ великаго «старчика Варсавы» и притомъ главнымъ образомъ во внѣшнихъ пріемахъ его проповѣднической жизни, напримѣръ, странствованіяхъ. Сковорода, проживая и у помѣщиковъ, оставался самимъ собою по образу жизни, разъ на всегда на себя имъ принятому и всегда безъ стѣсненія говорилъ имъ истину. Проповѣдь Сковороды ставила себѣ коренную задачу умственнаго и нравственнаго перерожденія общества; Вернетъ же въ своихъ бесѣдахъ и писаніяхъ старался быть пріятнымъ собесѣдникомъ, ведшимъ какъ бы непринужденную causerie со своими читателями, въ которой было много интереснаго, новаго и поучительнаго, но не глубокаго. Какого бы опредѣленнаго сюжета онъ ни касался, онъ всегда дѣлалъ отступленіе въ сторону легкихъ философскихъ размышленій, литературныхъ бесѣдъ, проникнутыхъ риторикой и отчасти сентиментальностью. Понятно, что вліяніе подобныхъ статей не могло быть особенно значительно. Это былъ, такъ сказать, *фельетонистъ* своего времени, писавшій легкимъ стилемъ, обладавшій чисто французскимъ литературнымъ образованіемъ; его читали; онъ былъ извѣстенъ и даже популяренъ; его охотно приглашали къ себѣ, тѣмъ болѣе что онъ потомъ печатно благодарилъ своихъ радушныхъ хозяевъ. Но этимъ дѣло и ограничивалось—особенно глубоко его вліяніе не шло. И конечно онъ самъ сознавалъ все величіе глубоко уважаемаго, хотя и непонятаго имъ и столь отличнаго отъ него по внутреннимъ особенностямъ Г. С. Сковороды. «Я нарочно, говоритъ онъ, ѣздилъ изъ Мерчика въ деревню Ивановку (Богодух. у.) для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные остатки незабвеннаго Сковороды» [1]).

Но все таки, стоя несравненно ниже Г. С. Сковороды по уму и по вліянію на современное украинское и въ частности харьковское общество, И. Ф. Вернетъ представляетъ изъ себя оригинальнаго и симпатичнаго дѣятеля, оставившаго по себѣ добрую память у современниковъ.

Вернетъ, пишетъ его ученикъ Л. въ 1847 году умеръ бездомнымъ, безсемейнымъ, на далекой чужбинѣ, заброшенный туда причудливой судьбой, но не пропала о немъ память; еще помнятъ его въ Малороссіи, помнятъ всѣ тѣ, въ чью душу бросилъ онъ неистребимое сѣмя прямоты и духовной свободы [2]).

Д. И. Багалѣй.

---

[1]) Укр. Вѣст. 1817, ч. 6, стр. 121—125.

[2]) Современникъ 1847, февраль, стр. 167—195.

Перевірено 1948 р.

